

14. Шубин Л. Критическая проза Андрея Платонова. М. : Советский писатель, 2005.

А. Б. Бушев

Роль художественной детали в русском дискурсе повседневности

УДК 82.01/.09

В центре работы – художественная деталь, приводящая к пониманию стиля. Продемонстрированы вербальные и невербальные тексты, связанные с серебряным веком русской культуры. Иногда даже и незнание той или иной фактической информации и недостаток семантизации лексики может приводить к пониманию целого. Указанное понимание течет по принципу герменевтического круга.

Ключевые слова: стиль, понимание, деталь, модерн, модернизм, письменный текст, невербальный текст.

A.B. Bushev. The role of an artistic detail in the Russian daily discourse

The article discusses the details that lead us to perceive something as being related to the certain style. The details of verbal and non-verbal texts help us perceive and appreciate the style through the characteristic traits. Sometimes it occurs notwithstanding the fact that we may not be aware of some factual information. In the long run it is the activity of the technique of hermeneutic circle.

Keywords: style, perception, detail, art nouveaux, modernism, written text, non-verbal text

Историки настаивают на значимости конкретного, единичного при изучении повседневности [1; 2; 4; 5; 7; 9; 10; 11; 13]. «Открытие сферы повседневности в историческом знании в 1960–70 гг. было вызовом, теоретическим и политическим, традиционному историческому знанию о «великих событиях», «великих людях» и «больших структурах» [6:12]. Новые теоретические ориентиры (микроистория, устная история, «история снизу») как нельзя лучше отвечают этой задаче. Для качественных исследований, которые опираются на опыт культурной ан-

тропологии, важными становятся многочисленные свидетельства человеческого опыта: письма, дневники, повседневные нарративы. Предметом нашего внимания в этой статье выступают словарные особенности менталитета мемуаристов, материалом – интереснейшие книги мемуаров.

При этом мы понимаем, что история повседневности – часть общественной истории, она «принимает различные обличья»: семейной истории, истории частной жизни, истории труда и досуга, локальной истории, истории отдельных социальных групп и профессий, истории питания и потребления, истории телесности. Повседневность противопоставит не только истории как связному, линейному и однонаправленному процессу, но и истории как рассказу: «В текстах по повседневности <...> обращает на себя внимание стремление к избыточно подробным описаниям, длинным перечислениям, бесконечным наименованиям, которые как бы не требуют действия и самим своим присутствием нечто значат. Можно говорить о картинности как стратегии письма о повседневности, тяготении его к экфрасису, отказу от событийности, нарратива, застывании повествования» [6:13].

Настоящая статья иллюстрирует роль художественной детали в создании стиля. Встретив ту или иную деталь, рецептируя, понимая, оценивая ее, можно предугадывать стиль – и эпохи, и человека. Как это ни странно, при этом совсем необязательно знать все характеристики стиля, теоретическое обоснование состояния культуры в определенную эпоху, чтобы соотносить тот или иной текст (личность, невербальный текст, в том числе произведение архитектуры, изобразительного искусства) с определенной эпохой.

В последнее время наше внимание привлекает эпоха модерна. Краткая, но столь выразительная в архитектуре и изобразительном искусстве, имевшая свои параллели в серебряном веке русской литературы и приведшая к модернизму как стилю, эта эпоха отстоит от нас уже на значительное время. Она уже была чужда и непонятна в 30-е гг. XX в. Выросло несколько поколений, чуждых тому вступавшему в жизнь на рубеже веков поколению, воспринимавшему мировую культуру как свою.

Но ничто не мешает нам, сегодняшним, увидеть ту эпоху через небольшие детали. Возьмем, к примеру, даже нехудожественный текст. Прочитаем воспоминания Веры Судейкиной. Удивительная

личность, художник, муза фигурантов серебряного века С. Судейкина и И. Стравинского. Веру называли «волшебная фея Санкт-Петербурга». Между прочим, на старости лет она, жена Судейкина и Стравинского, сбивалась при подсчете своих браков.

Оценим ее старинный язык:

«Я спала с уймой снов.
Гуляли *entre chein et loup*.
Я ходила с мамой чуточку гулять.
Мама поит нас *шЕколадом*»¹.

«После позирования, часов в пять пошли собирать валежник, шли по взрытой земле, через ручеек. Небо очистилось, розоватые облака, молодой месяц, чувство близости земли. Сережа вспоминает *барбизонцев*».

Запись 1918 года. «На этот раз говорим только о политике, и с большим жаром, потому что делается что-то невероятное, какое-то фантастическое, бешенное *скерцо*. Немцы наступают и в 60 верстах от Бологова.

Я не могу говорить искренно, потому что слишком мало понимаю и чувствую себя ребенком перед теми событиями, которые сейчас разворачиваются».

«Вчера мы поздно легли спать, все слушали рассказы Блуменфельда о его балетных скитаниях и знакомствах, семнадцать лет подряд он обедал у *Кюба*! Кого он только не знает!»

«С утра приходит Савелий и, вместо того, чтобы по-именинному попить с нами кофе, так торопились, что я, желая все же успеть с угощением, заливаю в спешке кофеем свои белые туфли, которыми единственно я могла отметить сегодняшний день.

Я плохо спала, потому что снились *большевистские сны*».

Налицо деталь, выводящая нас к стилю (большевистская революция как *скерцо*, человек, гуляющий в сумерках и остро чувствующий дыхание *барбизонцев* т. д.). Именно на основании анализа детали Вера Судейкина соотносится нами с тем дивным поколением женщин, которых Мандельштам – еще один творец той эпохи – называл «евро-

¹ Здесь и далее ссылки на издание [12].

пеянки нежные». Мария Будберг, Саломея Анроникова, Ольга Судейкина, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Лидия Коренева, Мариана Веревкина, Елизавета Кузьмина – Караваева. Во всем, написанном В. Судейкиной-Стравинской, – отголоски и переклички с «Поэмой без героя». Они пересекаются с Ахматовой и прямо – биографически. Со всем другая – Зинаида Шаховская.

Мемуары Судейкиной-Стравинской изданы издательством «Русский путь» при московском Фонде-библиотеке «Русское зарубежье». Тот случай, когда издательство имеет говорящее за себя название.

Современный носитель языка уже может не знать каких-то деталей, но незнание не лишает его понимания стиля мемуаров, человека и эпохи:

Купленные на вербе поповские собаки (если «на вербе» еще хоть как-то ассоциируется со Страстной, то почему собаки поповские и как выглядел и ценился такой фарфор, уже непонятно).

Кустарный музей.

Пожар незлобинского театра.

Один из первых дней русской свободы, 3 марта.

Статьи Врангеля (современный человек уже не знает Н. Н. Врангеля – представителя золотой молодежи начала века, оставившего прекрасный путеводитель по Русскому музею).

Фарфоровый амур Гарднера (фабрика Гарднера закрылась в конце 19 в.).

Социальные наблюдения мемуаристки интересны для историка:

О деде Порфирии Судейкине, жандармском подполковнике, убитом на квартире народовольца провокатора С.П. Дегаева, говорится: «Бедные дворяне, дед весь в охоте, собаках, 12 человек детей, мать молится на перекрестке трех дорог, чтобы не было больше детей, – все умирают по очереди почти от голода, остается один».

Языковеду интересны собственно языковые наблюдения:

Эскиз interieur'a

Лоузенный вместо блестящий.

Предчувствие эпохи как стиля...

Возможность почувствовать эпоху может дать и невербальный текст. Например, ту же эпоху дает почувствовать выставка «Парижская школа», проведенная в 2011 г. в галерее стран Европы и Америке на Волхонке. Это те восточные европейцы, что переехали в Париж в

XX в. и заставили весь мир себя услышать. Эти картины поступили, прежде всего, из центра Помпиду в Париже и Женевского музея, а также ряда личных коллекций. Великолепный Хаим Сутин с его героями-маленькими людьми – певчим в хоре, коридорным, поваренком, шафером, кривыми улицами, уходящим пространством. Контрастен изысканный Модильяни.

Художник Маревна. На выставке есть ее картина «Посвящается друзьям с Монпарнаса». Среди прочих на картине молодой Эренбург. Монпарнас, который приковывал к себе богему вплоть до 60-х гг. Какое смешение национальных традиций – Модильяни, Пикассо, Хуан Грис, Эжен Зак, Кес Ван Донген, Диего Ривере, Шагал, Гончарова, Ларионов, Штеренберг, Якулов, Цадкин, Леопольд Сютваж, Давид Какабадзе с грузинскими корнями и мотивами, армянин Якулов, грузин Ладос Гудиашвили, японец Леонар Фужита (Тсугухару) с тонкими практически монохромными картинами, эротичными натурщицами, Ромэн Брукс, болгарин Жюль Паскен.

Над всем этим – *ecole de Paris* – фотографии, атмосфера, *ambiance* той художественной среды. Гертруда Стайн, Эренбург, Хемингуэй, Апполинер, Кокто, натурщицы, критики, маршаны, галеристы, артисты... Балы, кафе. Отсюда – из периода, когда парижская живопись съела парижскую поэзию, – начинался XX век: экспрессионизм, фовизм, кубизм, орфизм, дадаизм. Наив «таможенника» Анри Руссо.

Серж Фера – это Сергей Николаевич Ястребцов. Знал период кубизма, также как и его кузина, Елена Францевна Эттинген, *la baronne*. Под псевдонимом Франсуа Анжиб она создает яркие полотна. На выставке рядом – итальянец Джорджо де Кирико, чех Франтишек Купка.

Забытые имена – Васильева Мария Ивановна. Ее картина «Мадонна с младенцем» приковывает внимание. А рядом Шагал – с картинами «Думая о Пикассо», «Посвящается Аполлинеру». Тонки работы Эжена Жака, от них невозможно оторвать взгляд. *Nu cubiste* Кислинга Моиса. Его дороги – Польша, Женева... Ланской Андрей... На каких дорогах нашли они наконец свое пристанище? Хана Орлова, Серж Шаршун, Александр Архипенко, Оскар Мещанинов... Атмосферу парижской школы создают и фото Барсая и Мана Рея, и картины крыш, мансард, набережных.

Остались только имена Кикин Михаил (в скобках *Мишель*), Воловик Лазарь, Кислинг Моис, Кремень Павел, Вера Рохлина (Шлезингер), Абрам Пинчин, Константин Терешкович, Мане-Катц, Сони Терк Делоне, Балншар Мари (Мария Гутьерес Куэто-и Бланшар), Наркусси Луи, Адольф Федер, Анри Хайден, Жак Лившиц.

Над Эйфелевой башней – «кривоватой моей современницей», как говаривала о ней Анна Ахматова, – уже не кружат аэропланы, а Монпарнас – свидетельствую – ассоциируется у современных парижан с находящимся там небоскребом. *Ecole de Paris* озарила устремления художников мира как явление и ушла.

Показательно внимание к культуре не элитарной, а к культуре каждого дня, культуре обихода, реабилитация обыденности, создание представлений о дифференцированной, проницаемой системе культурных образцов и культурных артефактов, свойственных современному обществу в тот или иной период.

Бытописательская книга о Петербурге 1890–1910-х гг. – воспоминания старых петербуржцев Д. А. Засосова и В. И. Пызина «Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов» – написана в 1970-х гг. представителями той культурной среды, которая существовала, и вкусы, манеры, взгляды, привычки которой формировалась в Петербурге. Профессионалы, специалисты – юрист и инженер – выходцы из образованного слоя, хорошо образованные и хорошо обеспеченные своим трудом, вспоминают былое. В их воспоминаниях – мельчайшие культурно-исторические детали быта тех лет.

Архаизация лексики воспринимается нами как способ бытописания. «Реки и каналы Петербурга оживлялись своеобразными контурами лайб. Теперь это слово забыто. *Лайба* – это двухмачтовая или трехмачтовая парусная шхуна небольшого водоизмещения. Посмотришь с Калинкина моста вниз по Фонтанке – целый лес мачт с переплетенными снастями. Бушприты лайб прямо лежали на стенках набережных, которые были завалены выгруженным товаром».

Или – о вагоновожатом тех лет: «Нелегко было быть вагоновожатым: лошади впрягались в мягкие ременные постромки, прикрепленные к тяжелому *вальку*. Никаких оглобель и дышл не было».

Архаизация некоторых слов свидетельствует об исчезновении явлений. Профессионализмы, используемые в их речи непрофессио-

налами, говорят об общекультурном и образовательном статусе авторов. Приведем примеры:

«Живорыбный садок», «барочный лес», «баржа на одну воду». «В бочках – соленая рыба, рядом в *окоренках* – икра всевозможных сортов». «Во льду у Зимнего прорубалась *майна*». «Вдоль них устраивались *шпалерами* гвардейские части». «Наводят *плашкоутные мосты*, которые зимовали вдоль набережной».

Как представляет современный читатель «деревянный *ретирад* с навесом для пассажиров»?!

Бытовая социология – интересный пласт мемуаров: «водопойка для лошади», «рассыльные», «газетчики», «империал конки». Характерную картину Зимнего Петербурга, особенно в большие морозы, давали уличные костры, те самые, о которых Ахматова писала: «И малиновые костры, словно розы, в снегу цветут».

Создание нового знания достигается и тогда, когда есть невозможность соотнести десигнат и предмет во фразах типа: «На Масленицу появлялся еще один вид пассажирского транспорта – *вейки*».

Предметы и образы былого постоянно фигурируют в воспоминаниях, но это не единственный путь к созданию атмосферы:

«Эгоистки» на высоких колесах, «фаэтоны в английской запряжке с грумом в цилиндре», «мальпосты», «шарабаны». Или: «В народе шашку городского называли «селедкой».

Многое из мира моды малопонятно читателю современности:

«На нашей памяти носили *пальмерстоны*. Летом носили пиджак из *альпака*, рубашку *пикейную*». «В начищенных *кирасах*, белых *колетах*, при длинных *палашах*»...

Что такое *лопаточник*? Оказывается, «официанты были в белых брюках и рубахах с малиновым пояском, за который затыкался кошель».

Фигурируют старые меры объема – «*четверть*», «*сороковка*», «*сотка*», «*мерзавчик*».

«Для выгрузки барж нанимались особые артели *каталей*, *носаков* и *крючников*. Свою тяжелую работу они даже не мечтали скрасить песней – в Петербурге это было строго запрещено, следила полиция. Носаки ловко находили центр тяжести подаваемого груза и переносили его "на рысях"».

Показательна *архаизация фразеологизмов*.

В народе бытовало выражение – «будешь ночевать под шарами». Иные фразеологизмы более понятны: «адмиральша не гнула глупый форс» (о жене Макарова, любившей кататься в Кронштадте на многолюдном катке).

Просторечье и профессиональное просторечье *характерны для создания мемуарной детали:*

«Лед нарезался *кабанами*» (большими параллелепипедами). «Все весла ставились *"на вале"*». «Дровни с удлинёнными задними *копыльями* спускались на воду и подводились под кабан».

В речи фигурируют техницизмы и *мир техники*, ведь в жизни этого поколения появились *автомобиль, телефон, патефон:*

«Паровая машина находилась в открытой шахте, огражденной невысоким *комингсом – оградой*».

Техницизмы фигурируют как деталь: «узкие арки консолей моста», «кожух котла», «внутренняя сторона фальшбортов», «особая рубка». Петербург – порт. Показательно использование в быту портовой лексики. При причаливании – «бросить канат», «зачалить его за кнехты пристани». Детали рыбной ловли – «на лодке заводился невод, выбирался он воротом». Можно было наблюдать особый род рыбной ловли – «с тони». «На отмели сушились мережи».

Характерно описание кораблей как приметы будничного, как изящно оно выполнено двумя-тремя мазками кисти: «Флаг комочком летел в вершине гафеля и там сильным рывком фала в умелых руках боцмана раскрывался и трепетал на ветру».

Народная этимология выступает в мемуарах как художественная деталь, передает колорит эпохи:

«В Петербург приходило много барж, особенно с дровами. Они приносили в наш город запах лесов, смолы, от их команд тоже веяло лесным духом. На баржах главным лицом был *шкипарь* (испорченное "шкипер")». «На Неве и Невках стояли плоты с лодками, называемые почему-то местными жителями *фофанами*».

Фигурируют *топонимика и собственные имена.*

«У завода Берда, около устья Мойки, была другая Кронштадская пристань, откуда заходили винтовые пароходы ледокольного типа – "Луна", "Заря" и др., постройки шведского завода Матала. Они же ходили и на Лисий Нос». «Самым привилегированным был императорский яхт-клуб на Крестовском острове. Скромнее был невиский яхт-

клуб, гавань которого находилась на Шкиперском протоке, около кроншпицев Галерной гавани Васильевского острова».

Интересно, как говорили люди, как шутили: «Дилижансы, которые метко назывались петербургскими обывателями "*сорок мучеников*"». «Среди обывателей извозчиков часто называли "*желтоглазыми*", видимо по причине инфекционных болезней глаз».

Вот представления о речи в быту: «Для повышения заработка некоторые извозчики подделывались под "*веек*", запрягали лошадей в деревенские сани, украшали их и даже запрашивали те же 30 копеек. Желая окончательно сойти за "*чухну*", они коверкали родную речь, говоря седокам: "*Триссись копек*"».

Слышались *профессиональные словечки-приказы*:

«Наливай!» – клади на спину, двое «наливали» третьему. «Дашь!» – кричал крючник, подставляя спину. «Как правило, плот или даже целая гонка из плотов перед мостом бралась буксиром "*наотуру*". Разгрузка производилась вручную при помощи веревок, с выкаткой по наклонным следам, с укладкой в штабеля».

Производит яркое впечатление привязка *топонимики к городу* («*знание города*»): «Рейдовая часть порта была обставлена тремя плавающими маяками – Елагиным, Невским и большим корабельным, стоявшими на баре Невы и Невки. Постоянный находился на стенке ковша морского канала, на траверзе поселка Стрельна. Фарватеры обставлялись вехами и светящимися буями. Команды маяков должны были ежедневно производить по несколько раз промеры глубин и показывать глубину в футах шаром на размеченной мачте». «Мы застали еще на Неве два плашкоутных моста – дворцовый – от Зимнего дворца на Васильевский остров – и Троицкий – от Мраморного дворца к Петропавловский крепости».

Описывают авторы и открытие Троицкого моста: «Отряд гвардейских моряков во флотской форме петровского времени вынес на руках из домика Петра I четырехместную верейку». Предстает забытый образ жизни: «Около разгружаемых лайб и барж сновали на лодчонках или бродили по набережной хищники разного рода: «*пираты*», «*скободеры*» и «*пикальщики*». «*Пираты*» тащили что плохо лежит или поднимали со дна длинными клещами упавшие кирпичи и другой тонущий товар. *Пикальщики* ходили вдоль набережных с *пикалкой* и вылавливали пловшие дрова, доски и пр. Пикалка – это де-

ревянная колобашка, на одном конце которой было кольцо с веревкой, на другом торчал гвоздь. Пикальщик нацеливался, бросал свою пикалку в полено и вытаскивал его. Так он заготавливал себе дрова на зиму. Пикаленьем развлекались и мальчишки более состоятельных родителей, но они не уносили добычу домой, а отдавали ее нуждающимся собратьям».

Ценности порой проявляются в *деталях быта*: «В праздники улицы преображались. В *«царские»* дни, на Рождество и Пасху на улицах, увешанных флагами, бывала иллюминация. На богатых домах и правительственных зданиях горели газовые вензеля из букв членов царствующей фамилии с коронами». «На Дворцовой площади, у Александровской Колонны, и на Мариинской площади, у памятника Николаю I, стояли помнится, на часах старики с седыми бородами, из инвалидов роты дворцовых гренадер в очень живописной форме – высокие медвежьи шапки, черные шинели, на груди кресты и медали, на спине большая лядунка. Зимой инвалиду выдавались валеные сапоги с *кенгами*». «Когда же гости собирались и попили чайку, началась отчаянная игра в карты; игры были только азартные, процветали "железка", польский банчок, "двадцать одно", знаменитая "стукалка" с ее тремя ремизами. А молодежь устраивала так называемые "пти же", т. е. разные "умственные" игры: шарады, флирт цветов, фанты, почту и т. п.». Излюбленной игрой подростковой молодежи были *рюхи*.

Современный читатель вполне может затрудниться сказать, что значило «холодные сапожники», «ведьма сапожника», «сиделец», «сбитень», «молодец», «казенка», «цапка», «поднатчик», «бульотка», «бутылочная передача», кто такие в том Петербурге рядчик, десятник, командор...

Прибаутки былого – показатель социального слоя, интересны в русле этнографии коммуникации: «Красавица, заходите, специально для вас держим плюшевые саки с *аграмантиками*». «Забрили тебе лоб, так попробуй шилом патоки». «Эй ты, крупа, посторонись». При виде солдат кавалерийских полков, у которых кивер на этишкете, кричали в толпе: «Эй, голова на веревке, смотри не потеряй».

Показательно наблюдение мемуаристов над *социолектами*: «У них, как у всех торговцев, выработался свой язык, с прибавлением к каждому слову "с" – "пожалуйста-с", "прикажете-с", "чего изволите-с".

Этим они хотели показать столичную "шлифовку" и "уважение к покупателю"». «В крупных магазинах манера вежливого обхождения была основным способом привлечения публики. Здесь приказчики "высшего класса" щеголяли словами, у прилавка слышались "Merci, madame", "Je vous prie". Одеты они были по последней моде, прическа а la Caroule (по имени знаменитого французского артиста), с начесом на лоб, манеры "галантерейные" и т. д.».

Художественная деталь в мемуарах может рисоваться при помощи значимых имен собственных: «Лучшие бакалейные товары можно было купить у Соловьева, у Чурепенникова, которые имели тогда по несколько магазинов. Живые цветы во все времена тогда предлагала фирма Эйлера».

Ценности тех лет фигурируют в воспоминаниях о гимназии. «Педагоги были люди пожилые, ходили в фирменных сюртуках с отличиями чинов на петлицах. На золотых пуговицах – изображение пеликана, кормящего птенцов. Это был символ – олицетворение полной, беззаветной отдачи знаний и сил ученикам. Ведь пеликан, по преданию, чтобы накормить птенцов, разрывал грудь».

Роль детали подчеркивается самими авторами-мемуаристами с развитой рефлексией: «На дворе возле кузницы был устроен специальный станок для завода туда горячих лошадей на времяковки, но у ковалей была своя гордость – даже самых бешенных рысаков подковывать без завода в станок. Надо отличать *кузнеца*, который гнул подкову по размеру копыта, от *коваля*, который только подковывал лошадей».

Хотя рассматриваемая эпоха отстоит от нас всего на сто лет, а описавшие ее ушли из жизни в конце семидесятых годов – то есть вполне могли быть нашими реальными собеседниками, современному читателю весьма затруднительно ответить на следующие вопросы, демонстрирующие роль детали в развитии языковой личности:

1. «В торжественных случаях он появлялся в кунтуше, конфедератке с белым пером». О ком это?
2. Кюба, Контан, Медведь, Донон, Эрнест Пивато. Продолжите данный ряд.
3. «Особо тяжелые и громоздкие грузы перевозились на медведках». Как это выглядело?
4. Кто такие «горюны»?

5. Что обозначали наименованием «буян»?

6. В окно первого этажа мастерской можно было видеть их "склоненные над коклюшками головы". О ком это?

Воспоминания написаны ярким, сочным, красочным, живописующим языком. Деталь – бытовая, социологическая – живописуется словом и наблюдением над речью. Язык богат, колорит былого умеренно иллюстрирован архаизмами, просторечием, орнаментирован топонимикой и комментариями к словоупотреблению былого. В итоге – картина речи и быта интеллигенции тех лет. Сегодня много говорят о языковой личности как вершине многих гуманитарных занятий. Вышеназванный уровень культуры авторов воспоминаний – хороший уровень и ориентир для постижения ее специфики.

Итак, сколько нужно знать, чтобы понять? Выше нами продемонстрированы два типа текста – текст, где реалии нуждаются в семантизации – иначе вы рискуете не понять сказанного, и текст, позволяющий – через художественную деталь – почувствовать общую оценку, даже уже – что весьма естественно – и не зная детали. К таким же смыслам может вывести невербальный текст.

1. Certeau M., Giard L. Practical Science of the Singular // The Practice of Everyday Life. V2. Living and cooking. Berkley, 1984. P. 251–256.

2. Maffesoli M. la conquete du present. Pour une sociologie de la vie quotidiene. Paris, 1979.

3. The History of Everyday Life. Reconstructing Historical Experience and Ways of Life / ed. by Alf. Luedtke. Princeton, 1995.

4. Беньямин В. О понятии истории // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 81–90.

5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1996.

6. Гавришина О. Повседневность во множественном числе // Объять обыкновенное: Повседневность как текст по-американски и по-русски : материалы VI Фулбрайтовской гуманитарной летней школы / под ред. Т. Д. Венедиктовой. М. : Изд-во МГУ, 2004. С. 11–18.

7. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.

8. Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. СПб., 1999.

9. Кнабе Г. С. Древний Рим. История и повседневность. М., 1984.
10. Маффесоли М. Фантастический мир каждого дня // Художественный журнал. 1997. № 17.
11. Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.
12. Судейкина-Стравинская В. А. Дневник. Петроград. Крым. Тифлис. М. : Русский путь, 2006.
13. Шютц А. Структуры повседневного мышления // Социологические исследования. 1986. № 1.